

ОЙКОНИМЫ БЕЛАРУСИ, СООТНОСИМЫЕ С КАТЕГОРИЕЙ СВЯТОСТИ

А.М. Мезенко

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

В силу огромного культуроведческого потенциала ойконимная лексика была и остается объектом пристального внимания исследователей. Начавшаяся после 1988 г. рехристианизация общества, возрождение христианских традиций вызвало к жизни исследования, направленные на анализ религиозной ономастической номинации, выявление информации об окружающем мире, заключенной в семантике лексических единиц. В этом отношении изучение имен собственных географических объектов оказывается в русле современных лингвистических направлений, исследующих кванты знания, становящиеся частью семантики конкретных ойконимов.

Цель настоящей работы – выявление особенностей мотивации и функционирования названий населенных пунктов, содержащих в своей основе лексемы, объединенные значением святости

Материал и методы. Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Беларуси, представленные в нормативных справочниках “Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь” по областям (Мінск: Тэхналогія, 2003–2010). При анализе и статистической обработке материала были использованы дескриптивный, сопоставительный метод на общезыковом (источник сопоставления – апеллатив) и ономастическом (источник сопоставления – оним) уровнях, элементы статистического подсчета.

Результаты и их обсуждение. Принцип создания ойконимов, как и названий внутригородских и внутрисельских объектов, от лексем религиозной тематики не нов. В разные периоды у разных народов названиями поселений, внутригородских и внутрисельских объектов становились наименования существовавших в конкретном населенном пункте церквей, костелов, каплиц и других мест совершения обряда [1], прозвища и фамилии их жителей, восходящие к названиям церковных праздников, лиц духовного сана и др. Сравнительное изучение данной разновидности географических названий возможно только на базе тщательного исследования ойконимных традиций отдельных народов.

Ойконимы, основы которых связаны с понятиями христианской религии, в настоящее время немногочисленны и насчитывают на территории Беларуси около 100 единиц. Несмотря на их относительную немногочисленность, существует шесть категорий таких наименований, соотносимых с **наименованиями: 1) символов и предметов христианского культа** (дер. *Святица, Святая Воля, Святополка, Кресты, Перехрестье, Рай* – Бр. обл., дер. *Святое, Благодать, Подкрыжье, Раёк* – Мн.обл. и др.). Наиболее широко данная разновидность названий представлена в Минской и Витебской областях; **2) культовых строений, восходящих к: а) названиям церковных праздников или святых** (дер. *Преображенка, Пятницкое, Спасское* – Вт.обл.; дер. *Воскресенка* – Гр.обл. и др.); **б) онимицированными апеллативам** (дер. *Монастырь, пос. Монастырь* – Вт.обл.; дер. *Бискупская Каменица* – Бр.обл.; дер. *Погост, Церковье* – Гм.обл.; дер. *Плебань* – Мн.обл. и др.). Эта разновидность наиболее распространена в Витебской области; **3) лиц, носящих определенные духовные звания** (дер. *Бъскупцы, Бискупцы', Плебанцы, Плебанишки, Плебановщина, Попковичи* – Гр.обл.; дер. *Поповка, Поповки, Поповщина, Поповская Рудня* – Гм.обл. и др.). Лидируют по количеству подобных наименований Гродненская и Минская области. Показательно, что в ойконимии

Беларуси, в частности Гродненской области, находили воплощение не только понятия христианской веры, но и суеверные представления. Так, отдельные ойконимы соотносимые с наименованиями лиц, способными заниматься магическими приемами, с помощью которых можно воздействовать на людей и природу, например, *дер. Знахари, Шептуны*; **4) языческих праздников**, прежде всего Купалья, известного многим индоевропейским народам до принятия христианства и совпадавшего с днем летнего солнцестояния (*дер. Купалье* – Мн.обл.), а также Коледования, в основе которого древняя аграрная обрядность, предназначением которой было ускорение прихода тепла (согласно народному выражению, от Коляд солнце поворачивает на лето) и обеспечение хорошего урожая в новом году (*дер. Коляды, Колядичи* – Бр.обл.); **5) направлений в старообрядчестве** (*дер. Поповцы* – Вт.обл., Гм.обл., Мн.обл.). География распространения таких названий совпадает с территориями, на которых исторически оседали беглопоповцы – представители одного из направлений старообрядчества, отличавшиеся от беспоповцев тем, что рассматривали никоновскую церковь и ее духовенство лишь как ересь, а не в качестве порождения антихриста, и считали возможным принимать попов, бежавших из никонианской церкви после их перекрещивания или миропомазания; **6) городских территориальных объектов**, прежде всего *концов* – остатков некогда существовавшего кончанского территориального деления (*дер. Фарный Конец* – Гр.обл.).

Показательно, что не только в антропонимной, но и в топонимной системе Беларуси четко прослеживается сосуществование двух подсистем – православной и католической, – характерное не столько отдельным территориям, но одной и той же области и предопределяющее использование номинационных ресурсов трех славянских народов – белорусского, русского и польского, языки которых в разное время выполняли функцию государственных. Например, в пределах Витебской области в настоящее время в Сорочинском и Глубокском сельсоветах Ушачского района зафиксированы *деревни Крыжи*, в Альбрехтовском сельсовете Росонского района – *деревня Кресты*, Прозорокском сельсовете Глубокского района и Экиманском сельсовете Полоцкого района – *деревни Ксты и Кстовка*.

Как уже отмечалось другими исследователями, ойконимы, топоосновы которых восходят к теонимам, очень редкие. Так, на Гродненщине в числе таковых И.В.Пивоварчик называет деревни Бельковщинского сельсовета Сморгонского района *Божий Дар* и Кальчунского сельсовета Ошмянского района *Святой Дух* [2, с.213], переименованные в 1964 и 1949 г. в *дер. Ходаки* и *Будёновка* соответственно. В силу своей «теологичности» первыми утрачивались и подвергались переименованию населенные пункты с подобными названиями и в других областях Беларуси: *х. Божья Ласка*, *х. Божья Воля*, *дер. Спас-Слобода* (Вт.обл.), *дер. Божий Дар* (Мн.обл.) и др.

Заключение. Таким образом, в основе названий населенных пунктов, содержащих в своей основе лексемы, объединенные значением святости, лежат преимущественно наименования культовых строений, восходящих к названиям церковных праздников и святых; символов и предметов христианского культа; лиц, носящих определенные духовные звания. Отдельные ойконимы мотивированы наименованиями направлений в старообрядчестве; языческих праздников; частей городских территорий. Ушла в прошлое практика именования поселений теонимами, более характерная католической подсистеме названий географических объектов. Все это составляет специфику белорусской ойконимии с анализируемой семантикой и позволяет говорить о названиях поселений, соотносимых с категорией святости, как о знаках-символах, в семантике которых закодирована

экстралингвистическая информация об объекте.

Проведенное исследование подчеркивает перспективность изучения ономастического поля со значением святости для определения топонимической составляющей национальной картины мира.

Список литературы

1. Мезенко, А.М. Отэклезионимные урбанонимы как имена собственные, соотносимые с категорией святости / А.М.Мезенко // Материалы международного методического семинара “Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние”. Выпуск 2 (Смоленск, 1 декабря 2011 года). – Смоленск: СмолГУ, 2011. – С. 74–78.
2. Півавэрчык, І.В. Сакральная тапанімія Гродзеншчыны / І.В.Півавэрчык // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння: зб.наук.арт. / рэкал.: В.Д.Старычонок, Д.В.Дзятко (адк.рэд), Н.А.Радзіваноўская і інш. – Мінск: БДПУ, 2011, – С. 212–214.

АБ ХАРАКТАРЫ ЎСТАРЭЛАЙ ЛЕКСІКІ Ў ЛЕГЕНДЗЕ МІРАДЖ З КІТАБА XIX СТ.

В.І. Несцяровіч
Віцебск, УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”

Матэрыялам для дадзенай публікацыі паслужыла легенда аб міраджы¹ з Кітаба² А.Хасяневіча (1832).

Мірадж – усходні фальклорны твор, запісаны ў арабскаалфавітным манускрыпце па-старатурэцку і сінхронна – па-беларуску. У беларускай копіі, выкананай размоўнай беларускай мовай, налічваецца 6175 словаўжыванняў, з іх лексем – крыху больш за 1000. Невялікую частку слоўніка складаюць рэлігійныя (мусульманскія) тэрміны, але калі мець адпаведнае ўяўленне пра ісламскую дактрыну і міфалогію, дык тэкст чытаецца і ўспрымаецца дастаткова лёгка.

Разам з тым то тут, то там адзначаецца лексіка, якая ў сучаснай беларускай мове ўжо не ўжываецца і з пазіцыі сучаснага стану мовы належыць да разраду архаічнай. Паводле лексіка-тэматычнай прыналежнасці ўстарэлая лексіка ў легендзе розная і абазначае абстрактныя паняцці (*расказанне, прыказанне, расказ ‘загад, воля’, паслуга ‘павіннасць’, прычына ‘заступніцтва’, абетніца ‘абяцанне’*), назвы асоб (*прычынца ‘заступнік’, ваявода ‘гаспадар, начальнік’, пасэл ‘пасланнік’, міласнік / мілоснік ‘любімец’, халап ‘раб’, белаглова ‘замужняя жанчына’, лгар ‘лгун’, шалбер ‘ашуканец’*), назвы ўпрыгажэнняў (*перл ‘жамчужына, жэмчуг’, яхант ‘рубін’, имарагд ‘ізмуруд’, бакшыт ‘дарагі камень’, акык ‘агат’, мерджан ‘карал’*), прадметы, рэчы (*каберац ‘дыван’, скарб ‘грошы’*) ды інш. У колькасных адносінах да ўсяго лексічнага корпуса легенды архаічная – з пазіцыі сучаснага стану мовы – лексіка складае прыкладна 11%. Гэтую акалічнасць варта ўлічваць пры перакладзе тэксту легенды на сучасную мову. **Аktуальнасць** праведзенага даследавання заключаецца ў выяўленні характару ўстарэлай лексікі і яе тлумачэнні. Для збору і аналізу фактычнага матэрыялу выкарыстоўваліся **метады** суцэльнага выяўлення, апісальны, які ўключае назіранне і класіфікацыю, лексікаграфічны, інтэрпрэтацыйны, супастаўляльны.

Можна, аднак, сцвярджаць, што на момант стварэння кітаба (першая трэць XIX ст.) не ўсе пералічаныя, і тым больш у легендзе ўвогуле, словы мелі статус